

Татьяна
Кравец

нескучные

истории

...и с'è certamente una tutta luce

Questo fine settimana in Sicilia è arrivata la primavera, abbiamo visto delle

Sicilia tanto che non finisce più. L'aria s'è affinata una tutta luce.

In questi mesi non abbiamo visto tanti turisti in Sicilia per colpa della crisi.

СОЛНИЦЕ

УХОДИТ

ЗА ЭТНУ

Татьяна Кравец

Солнце уходит за Этно.
Нескучные истории

«Издательские решения»

Кравец Т.

Солнце уходит за Этно. Нескучные истории / Т. Кравец —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831192-5

— О чем будет твоя книжка?— О том, как... Как пришла сегодня на завтрак,
познакомилась с тобой и уже через час покоряла гору, о которой до приезда
даже не слышала!..(Из диалога в отеле г. Балаклавы, Крым)

ISBN 978-5-44-831192-5

© Кравец Т.
© Издательские решения

Содержание

Стеклянная дверь	6
Солнце уходит за Эгну	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Солнце уходит за Этно Нескучные истории Татьяна Кравец

*Я говорю «удача», но я
не встретил бы ее на своем
пути, если б не искал.*

Артур Конан Дойл

В историю трудно войти, но легко вляпаться.

Михаил Жванецкий

© Татьяна Кравец, 2017

© Сергей Фурнэ, дизайн обложки, 2017

© Игорь Белов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-1192-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стеклянная дверь

Я шла по вагонам итальянского поезда, и с каждым шагом тревога нарастала. Один вагон, второй... четвертый, пятый... пусто. Я сплю? Я сошла с ума? Ни одного проводника! Ну зачем в ночь сорвалась с места? Почему мне не отдыхалось в Сан-Ремо? Венецию, видите ли, срочно захотелось посмотреть! Поезд прямой оказался! Нет чтобы подготовиться, собрать информацию. Хотя не факт, что было бы лучше. Еще недавно под вопросом вообще стояла поездка в Италию.

– Как я поеду одна??? – в который раз подступала я к своим родным и друзьям. Моё первое путешествие на Лигурийское побережье грозило сорваться. У подруги, с которой собиралась на отдых, в последний момент возникли непреодолимые обстоятельства. А раньше за границу я в одиночку не ездила – то с группой, то с родными. Теперь же надо было срочно что-то решать: или менять бронь в отеле, или вовсе отказываться. Все вокруг «успокаивали»:

– Да не пропадешь ты, столько слов знаешь – «спагетти», «пицца», «мартини». Голодной точно не останешься. Да и скучать не придется – там отдыхает много русских.

– А если кто-нибудь, в темном переулке... спросит время на незнакомом языке... – пыталась я предусмотреть опасные моменты.

– Ну сколько можно обольщаться, – со смехом оборвал меня коллега. – Ты как та пожилая приятельница Фаины Раневской, которая наутро испугалась, что спала с незапертой дверью, и кто-то мог войти.

– М-м-меня?.. М-м-мне?.. – от возмущения я стала заикаться. – Мне чуть за тридцать! – выпалила гневно. И вдруг осеклась – а правда, чего испугалась? Уж каких только ситуаций в жизни не приходилось переживать – и с переулками, и с водоворотами.

...Поздним вечером возвращалась от подруги. Почти подошла к дому, как вдруг кто-то сзади схватил за плечо. Жестко, сильно, словно тисками. Я повернула голову и натолкнулась на стеклянный взгляд.

– Ты чего? – только и смогла вымолвить. Полушепотом, и с какой-то жалостливой интонацией. Через минуту на моих глазах у налетчика вдруг стало меняться выражение лица – оторопевшее, напряженное, недоуменное. Где-то в подсознании мелькнуло, что, если бы закричала, начала вырываться, то уже бы лежала на земле и, возможно, без сознания. А от моего шепота он растерялся.

– А ты чего? – произнес в ответ.

– Пойдем, ты проводишь меня, – выдала я. И сама опешила: что несу, надо бежать от него подальше! Но вдруг услышала:

– Пойдем.

Тут же подхватила его под руку и защebetала. Говорила обо всём, что приходило в голову: о работе, погоде, природе, вспомнила про дальнюю родню и близких знакомых, поведала прозу, драму и поэзию. Не умолкала ни на секунду. Была зима, мороз. Но лишь бы он не вспомнил, зачем схватил меня. По ходу уловила, что от парня не пахнет алкоголем. Но как же тиски, застывший взгляд? Возможно, любитель другого зелья.

Не заметила, как дошли до моего дома. А когда собралась заходить в подъезд, он удержал – еще поговорить. Вот завлекла! Беседа продолжалась почти час, перевалило за полночь, но все мои попытки распрощаться встречали застывший взгляд. Ноги околели, утром на работу... И я не выдержала – решительно завила, что мне пора. Только открыла железную дверь подъезда, как он схватил меня за руку. Как-то сумела вырваться и заскочить внутрь – дверь захлопнулась. И здесь упала на пол: в последнюю секунду «проводящий» успел изо всей силы ударить меня в живот... Но главное – освободилась!

А в водоворот, в отличие от хулигана, я сунулась по собственному желанию. Решила однажды поучаствовать в сплаве на рафтах по горной реке Катунь! Не иначе съела что-нибудь.

– Кто хочет острых ощущений?

– Я! – и поспешила сделать шаг вперед. Меня посадили «на носу». Как же меня угораздило!

Тронулись. Двенадцать человек: шестеро на веслах, остальные в центре рафта. В первые минуты я испытывала душевный подъем. Вокруг радовали глаз восхитительные пейзажи. И вдруг воронка!

Вода стала закручиваться со страшной силой – неожиданно прямо передо мной, в нескольких сантиметрах, выросла огромная водная стена. Я не успела зажмуриться, как лавина обрушилась. Четко по вертикальной линии – на меня! Как кричала, помню плохо. Очнулась – река гладкая-гладкая. Оглянулась на остальных: ребят в середине чуть замочило, а на тех, кто был сзади, ни капельки не попало. Увидев мое лицо, народ не смог сдержать смех – такого мокрого куренка с вытаращенными глазами им видеть не приходилось!

Вспомнив эти подвиги, я перестала мучить родных и друзей сомнениями: заказала односторонний номер в отеле Сан-Ремо и отправилась отдыхать. И даже представить не могла, какие испытания меня ждут.

Поездка в Венецию возникла спонтанно. Гуляла по городу и зашла на вокзал. В глаза бросилось расписание. Присмотрелась и ахнула – всего шесть часов ночным поездом, и ты в самом удивительном городе планеты. Рука сама потянулась к кассе. Купила билет в вагон второго класса. Но когда поезд пришел, растерялась – где мой класс? Решила сесть в любой вагон, а потом разобраться.

Зашла, как оказалось, в вагон первого класса, где расположены купе со спальными местами. И пошла по составу искать свой класс. Ни одного проводника! Прошла почти до машинистов – нашла. Пожилой мужчина в зеленой форме обрадовался мне как родной. С первой фразы понял, что мне надо, и повел за собой в обратную сторону. Вернулись почти в конец состава. Он завел меня в купе, где вдоль стен стояли по три кресла, и показал, как они раскладываются. Спальное место оказалось супер: сиденья выдвигались друг к другу, спинки откидывались назад – получалось огромное плато на все купе. Четыре человека могли разместиться, а то и больше.

Проводник ушел. А мне вдруг стало страшно. Второй час ночи, за окнами жуткая темень. Вагон пустой, я одна. А двери в купе... стеклянные! С матовым покрытием, но все равно прозрачные.

Воображение разыгралось: входит бандит, я кричу, но никакой помощи... Решила закрыть дверь на защелку. Однако ничего похожего, как в наших поездах, не нашла. Огляделась вокруг и увидела над дверью маленький рычажок – что-то вроде задвижки «открыто-заперто», какие были у нас раньше в поездных туалетах. Я потянула за рычаг и... отлетела!

Поезд тряхнуло, он резко остановился, в тот же миг дико завывла сирена. От ужаса я сжалась в углу в комок. Минут через пять начала соображать: наверное, что-то не то дернула. Сирена не переставала выть. Еще через пять минут в дверях появились люди в зеленой форме. «Откуда столько, ведь никого не было?» – мелькнуло в первую секунду. А следующая мысль буквально пригвоздила к полу: «Сейчас штраф потребуют!»

Пришедшие что-то где-то покрутили, и сирена смолкла. Затем они начали что-то объяснять, но я напрочь забыла все итальянские слова. Только и повторяла «русса туриста». И как щенок повизгивала: «Скузи, скузи, скузи...» (Извините).

Отчаянными жестами они показали мне, чтобы не приближалась к этому устройству. Я поклялась всеми доступными способами, вспомнила и «Аве Марию», и «Но пасаран». Канитель закончилась, и поезд тронулся. Очухавшись, я, наконец, смогла понять, что это был стоп-кран! Ну, конечно, с кем еще могло случиться подобное! Это же ко мне тетя Ася из рекламы «приезжала», и мне понадобилось без оглядки на инструкцию съесть термоядерную таблетку.

Как нормальный человек, я рекламу не смотрела, но помимо воли некоторые ролики врезались в память. Когда сильно простыла, в голове моментально щелкнуло – надо выпить... унса. Купила, пришла домой и сразу распечатала. Находившаяся в гостях пятилетняя племянница Лидочка, не отрываясь от своей игры, как бы между прочим сказала:

– Их с водой надо.

– Да ладно, – отмахнулась я, – никогда таблетки не запиваю, – и закинула унса в рот. И все. Мир рухнул! Из рта пошла пена, язык заципало, из глаз хлынули слезы...

– Я же говорила, что с водой надо, – опять невозмутимо произнесла Лидочка.

С горем пополам отдышалась. Но еще долго ругала себя: почему не послушала ребенка, ведь дети как раз внимательно рекламу смотрят, знают ее наизусть.

А тетю Асю с ее суперотбеливателем я призвала на помощь, когда случайно капнула на рукав шелковой блузки маленькое, с горошинку, пятнышко от апельсинового сока. В голове вспыхнули слова из рекламы: «Что ты делаешь? Не лей... – Не волнуйся, это специальный отбеливатель, для мягкой и щадящей стирки». Я положила рукав блузки в тазик, немного капнула отбеливателя и... впала в кому: резко пошел дымок, а через минуту я увидела одинокую пуговичку с манжета и сильно обгоревший обтрепанный рукав. Вечером в гости пришли друзья. Я решила с места в карьер поделиться печальной новостью – повела в ванную, где на сушике висела бывшая блузка с лохмотьями бывшего когда-то рукава. От смеха они долго не могли сказать ни слова. Наконец, заикаясь, кто-то произнес: «Это не тетя Ася, это фильм «Челюсти»!

Теперь же вот угораздило испытать систему торможения итальянских вагонов! И тут же я разозлилась: что это за кран такой?! Ни пломб нет, ни крупных надписей! То ли дело у нас, в России – большой, заметный! Но разделить чувства было не с кем, и они потихоньку остыли. Я собралась спать.

Прошло, наверное, минут пятнадцать, прежде чем поняла – опять что-то не так. От окна сильно дуло. Включив свет, увидела встроенный в раму окна кондиционер, который работал на полную мощность. Когда уезжала из Сан-Ремо, на улице было под тридцать градусов тепла. Понятно, что оделась очень легко. Теперь же в купе было в два раза холоднее. Под окном находилось несколько разных кнопок, но я не рискнула дотронуться до них – вдруг окно вывалится. Недолго думая, достала из сумки газету и попыталась прикрыть отверстие, откуда поступал холодный воздух. Дуть не перестало. Тогда я достала вторую газету, разделила ее на страницы и стала укутывать себя. До сих пор не понимаю, как додумалась положить газеты в сумку – неужели читать собиралась на площади Сан-Марко??? Согрелась ровно на пять минут. Перевернулась на другой бок – мое самотканое покрывало развалилось. Снова стала лепить страницы по частям тела.

Сколько продолжалась такая мука, трудно сказать. На одной станции незапертая стеклянная дверь купе распахнулась, и вошли молодые туристы – парень с девушкой, поздоровались по-английски. Быстро скинув рюкзаки, они погасили свет и легли на свободные места моего спального плато. Переворачиваться и шуметь газетой стало неудобно, но долго терпеть я не могла. Один раз, второй... Шорох был слышен, наверное, во всем вагоне. Не выдержала, вышла в коридор – погреться. Когда вернулась, иностранцы включили свет и выразительно посмотрели на меня. «Б-р-р-р», – звуками и жестами я изобразила жгучий мороз и предложила поменяться местами: они – у окна, я – у выхода. Видимо, вскоре они тоже стали замерзать: парень вытащил из рюкзака спальный мешок, распахнул его как одеяло, и они утихли.

Мне у двери оказалось ненамного теплее, и через десять минут я снова взялась за газету... Что было дальше, трудно описать. Со скоростью звука молодой человек подпрыгнул со своего места, не глядя, вытащил из рюкзака второй спальный мешок и накинул на меня. Чувствуя его состояние, я не решилась даже пикнуть о своей благодарности.

Согревшись, мы уснули, как сурки. Поезд приехал в Венецию, но мы не шелохнулись. Никто не будил. Проводники опять куда-то исчезли...

С каким же радужным настроением после столь теплого прибытия я гуляла по Венеции!!! А после поездки почувствовала себя абсолютно свободным человеком – могу спокойно,

без оглядки на разные стеклянные двери в поездах, путешествовать по итальянским городам и весям.

Наивная такая была.

Генуя в моих визитах в Италию возникла спустя три года после ночного венецианского поезда. Я приехала сюда на один день и вечером должна была уезжать. Решила прогуляться по улице Гарибальди. Шла и представляла, как идут соратники великого итальянца на борьбу за свою свободу. Воображение увлекло в небесные дали, я подняла голову и замерла. Взору предстали красивые, украшенные лепниной и цветами воздушные мостики, соединяющие здания с противоположных сторон.

«Вот бы посмотреть на эту красоту сверху», – подумала я. И тут же пригорюнилась – как такое возможно?

В следующую минуту увидела открытую дверь особняка – и, не раздумывая, шагнула внутрь. Поднялась по лестнице, прошла по коридорам и заблудилась. Минут десять гуляла по этажам.

А потом решительно вошла в какую-то комнату. Это оказался офис. Мужчина, сидевший за столом, что-то спросил. Я ответила традиционно: «Русса туриста». К мужчине подошли его коллеги, и все хором стали что-то бурно мне говорить. Я ничего не понимала. Собравшись с силами, поднатужилась и вспомнила одно итальянское слово из разговорника – «визитаре», что значит «посещать». Но что посещать? Не рассказывать же им про мои воздушные грезы. Тогда о чем? Как заклинило, никаких слов на ум не приходило. Итальянцы молча взирали на меня. Вдруг в голове вспыхнуло: на углу особняка, в дверь которого я вошла, висела табличка «Галерея». И я радостно закричала: «Визитаре галерея!».

Народ в офисе снова забурлил и стал что-то показывать руками. Я смотрела на них с улыбкой – то ли Джоконды, то пациента психбольницы, и качала головой: «Не понимаю». Собеседники устало вздохнули. В воздухе завибрировала нотка напряженности: работа стоит, дамочка не уходит. Потом они переглянулись, дружно подошли к окну, отодвинули стол, открыли жалюзи, распахнули раму и махнули руками за окно – «визитаре»! Я выглянула наружу: подоконник с другой стороны оказался вровень с землей, образовалась небольшая площадка. Попятилась назад. Но дружный коллектив жестами и возгласами подталкивал меня к выходу в... окно. (Опять стеклянная дверь?!) Решилась и шагнула, окно за мной тут же захлопнулось.

А передо мной открылся удивительный вид: те самые воздушные переходы, из-за которых я оказалась в коридорной западне, а еще – потрясающая архитектура.

Не успела насладиться, дверь помещения с другой стороны площадки открылась, и вышел молодой человек: «Синьора, синьора». Я пошла на зов. Войдя в дверь зала, ахнула – полотна итальянских мастеров Караваджо, Веронезе, а вместе с ними и других великих – Ван Дейка, Рубенса! Радостно пошла приобщаться к прекрасному. И уже собиралась уходить, как снова услышала оклик того молодого человека:

– Синьора, музик... Паганини...

С горем пополам, после нелепых вопросов и отчаянных жестов я поняла, что где-то еще есть зал музыки. Мой визави усиленно повторял имя Никколо Паганини и увлекал меня в направлении от указателя «exit», при этом напевая «ля-ля-ля».

– У вас что, музыкальный вечер Паганини проводится? – спросила я по-русски. Услышав знакомую фамилию, мой гид закивал головой и снова показал в сторону. Я двинулась за ним в другой зал. Только вошла – перехватило дыхание. В центре высились две стеклянные колонны, внутри которых находились скрипки.

Говорят, что в шоковом состоянии у человека открываются удивительные способности. Не знаю, как у других, а у меня точно случилось. Я вдруг стала понимать все, что говорит мой гид Карло – так его, оказывается, звали. Он рассказал, что великий скрипач родился в Генуе, и что здесь выставлена любимая скрипка виртуоза, которую для него изготовил великий мастер из Кремоны – Гварнери. Сегодня этот инструмент бесценен.

Глядя на скрипку, я забыла о времени. Было ощущение, что звучит музыка... Такие же волнительные чувства испытывала при знакомстве с творениями Родена и Микеланджело. Бронзовая скульптура «Граждане Кале» Родена в Парижском музее потрясала легкостью человеческих движений, а мраморный Давид в галерее «Уффици» казался живым и теплым.

Когда направились к выходу, Карло поинтересовался, не хотела бы я взглянуть на город с высоты птичьего полета (итальянский язык вдруг стал совсем легким!). Я не успела ответить, как он взял меня за руку и повел через дорогу – в здание напротив. Обошли огромную очередь – оказывается, вход был платным. Но контролер кивнула моему gidу и пропустила нас. Мы поднялись на третий этаж, однако здесь путь преградила женщина-полицейский. Карло стал что-то ей объяснять – она была непреклонна. Пять минут, десять...

– Проблемы? – подошла я к ним.

– Но, но (нет, нет), – успокоил Карло и очень выразительно посмотрел на стражницу. Она ринулась к лифту и махнула мне рукой. Я шагнула, лифт закрылся. Карло исчез. Я даже не успела сказать «спасибо».

Мы поднялись на самую высокую башню города. Вид открылся потрясающий. Только вернувшись в Омск, я узнала, что побывала в одном из лучших музейных ансамблей Италии – Палаццо Бьянко и Палаццо Россо. До сих пор не верится. В музей – через окно! И встреча с Паганини! Может ли быть еще что-то более удивительное???

Оказалось, может.

По сицилийскому городу Таормина мы вышли погулять с киевлянкой Еленой, с которой познакомилась в отеле. В какой-то момент нам одновременно захотелось, извините, в туалет. На одном из зданий я увидела вывеску «Museum» и позвала ее:

– Пойдем туда, там точно есть дамская комната.

Почему вдруг туда? В городе на каждом шагу кафе, куда можно зайти. Нет, нас потянуло в музей. Зашли, оглянулись. Навстречу выбежала... монахиня. И что-то залепетала нежным голосом. Мы, не сговариваясь, переглянулись – не спим ли? А монашенка смотрит и улыбается.

Такое же ощущение нелепости бытия под чужими взглядами я однажды испытала в чешской бане. Пришла в комплекс к самому открытию, завернулась в простыню, устроилась на верхней полке и стала наслаждаться. Через двадцать минут в предбаннике раздались мужские голоса, и вошли трое немцев. Все... голые. Как ни в чем не бывало, они уселись на полки и стали громко беседовать. При этом, не стесняясь, разглядывали меня. Я оторопела. Гид предупреждала, что сауны у чехов общие, но я даже не придавала этому значения. У нас они тоже общие, однако, если собираются незнакомые люди, то ходят либо в простынях, либо в купальниках. Я мучительно пыталась решить, что делать: высказать мужчинам претензию или снять свою простыню? Ничего не придумав, покинула сауну. С гордо поднятой головой, как мне тогда казалось...

Музей в Таормине, куда нас занесла нелегкая, оказался посвящен какому-то Padre. Мы не успели спросить про дамскую комнату, как началась экскурсия. На стенах висели фотографии Padre.

Родителей, родственников, его самого с младенческого возраста, отрочества и других периодов жизни до глубокой старости. Наш нежный гид подробно рассказывала, кто есть кто. – Вот попали! – произнесла тихо Елена, когда мы двинулись вслед за ней.

Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Лена, как и я, не знала итальянского языка, но внимательно слушала и кивала, якобы все понимая. От этой картины смех стал разбирать меня еще сильнее.

Когда мы завернули на второй этаж, приятельница как бы невзначай промолвила:
– Интересно, сколько же здесь этажей...

Все! Я не выдержала! Хрюкнула и стала тихо повизгивать. Разум яростно протестовал: святое место – как можно? К тому же физическое состояние было на грани. Но ситуация казалась настолько комичной, что сдержаться не удалось. Я сделала вид, что поперхнулась и прикрыла лицо фотоаппаратом.

Когда мы прощались, монашенка нас расцеловала и подарила на память иконки Святого Антония – последователя Франциска Ассизского, идеи которого проповедовал Padre. Антоний, как мы с горем пополам поняли, во время болезни нашел временное пристанище на Сицилии, а в жизни творил чудеса обращения – враги примирались, воры возвращали имущество, клеветники просили прощения. Несмотря на абсурдность ситуации, мы вышли из музея какими-то просветленными. И мирские желания забылись.

Закрыв за собой дверь музея, я оглянулась и улыбнулась – дверь была стеклянная...

Солнце уходит за Этну

Влюбленность подкралась ко мне, как в кино. В виде джентльмена с собачкой. Только я растянулась на теплых камешках пляжа, как мимо что-то прошелестело. Потом еще и еще. Открыла глаза и увидела забавную собачку. Поодаль стоял ее хозяин – приятный мужчина в возрасте. Показав на собачку, я громко сказала: «Симпатику». Мужчина выдержал минутную паузу, а потом с серьезным видом показал на себя и переспросил: «Симпатику?» Мы хором рассмеялись. Он присел рядом – разговорились, познакомились. Его звали Сальваторе. Узнав, что я не смогла побывать на вулкане Этна, предложил вечером показать другие красивые места.

Встреча случилась в последний день моего первого пребывания на Сицилии, в городе Таормине. «Лучшем курорте Средиземноморья», как его назвала героиня иронического детектива Иоанны Хмелевской «Что сказал покойник». Места просто сказочные. Архитектура – от норманнов, галлов, арабов. Природное чудо – Лазурный грот. Кругом апельсиновые деревья. В двух часах езды родина Архимеда – Сиракузы со знаменитой мифологической пещерой Диониса. Поблизости деревенька Савока, где снимали сицилийские сцены «Крестного отца» с Аль Пачино. Сплошная романтика!

До мест, которые вызвался показать Сальваторе, как оказалось, надо ехать на машине. Я спокойно села в салон. Поехали. Выглянула и... обомлела. Справа – обрыв, слева тоже. Зажмурившись от страха, я намертво ухватила за ручку дверцы. Как же я забыла предупредить Сальваторе, что ужасно, до потери пульса, боюсь высоты. Имела печальный опыт – несколько лет назад в горах Алтая.

Кому тогда пришла безумная идея отправиться на лошадях в горы – мне или приехавшей в гости из Красноярска студенческой подруге Марине – сейчас уже и не вспомнить. Но мы решили и поехали отдохнуть в заповедный уголок Горной Шории. В горы пешком-то тяжело подниматься, а уж верхом, и говорить нечего. Тем более, если никогда в жизни не сидел в седле. Всю дорогу туда я пыталась подстроиться под такт лошади, чтобы не так больно было моей «пятой точке». Несмотря на физические потуги, я все-таки успевала реагировать на окружающую обстановку: «Надо же, как красиво!» Марина была настроена более пессимистично:

– Представляешь, из кустов кто-нибудь выскочит, и лошадь рухнет в овраг, – изрекала она вдруг.

– А если лошадь понесет? – добавляла следом. – А как будем спускаться? Вниз головой? Я на все отмахивалась:

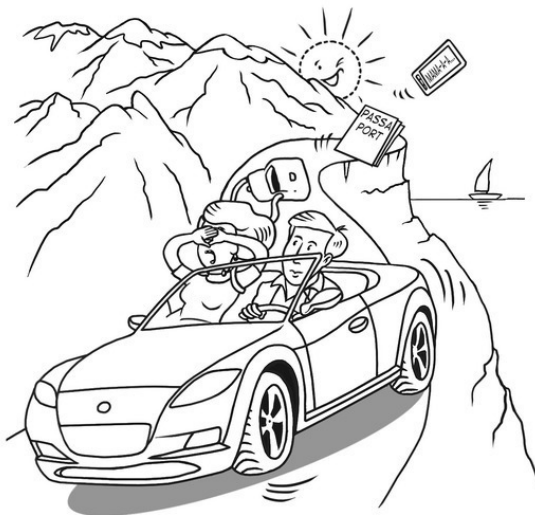
– Не волнуйся, обратно не будет проблем – ведь уже почти освоились в седле!

Взобравшись на пик горы, я быстренько спрыгнула на землю. Почувствовав твердую опору под ногами, уже в полной мере смогла оценить природную красоту.

В обратный путь собралась с легким сердцем. Но села в седло и... застыла! Мы стояли на склоне почти вертикально отвесной скалы. Лошади передался мой страх, и она замерла как вкопанная. Я не могла ни пошевелиться, ни слова молвить. Единственная мысль – останусь здесь навеки. Марина и наш проводник уже уехали далеко вперед. Не увидев меня, проводник вернулся. Застал в полубморочном состоянии. Что-то стал советовать, показывать – я ничего не воспринимала. Тогда он взял поводья в свои руки, сказал, чтобы я откинулась назад – на круп лошади, и закрыла глаза. Еле-еле потрусили. Спустившись, зареклась – в горы больше ни ногой!

Но встретила Сальваторе и снова оказалась в горах. Пятнадцать минут по узкой колее мы поднимались вверх. Вдруг резкий поворот, и машина остановилась. Не давая опомниться,

сицилиец вывел меня из салона и показал рукой в сторону: «Ил соле парте пер л'Этна!» Поняла мгновенно: «Солнце уходит за Этну!» Не зря в детстве сто раз смотрела мультяш «Ну погоди» и пела вслед за зайцем «О соле мио!»

Оглянулась – вокруг творилось что-то неопишное. Смешались все цвета – синий, белый, золотой, алый, коричневый, зеленый... Сюрреализм! Импрессионизм! Какие еще стили есть?

– Ну что, едем дальше? – вывел из оцепенения голос Сусанина.

Стоя на вершине, я мучительно выбирала между страхом и красотой. Последнее победило. Поехали, и я опять забыла, как меня зовут. Крутые виражи следовали один за другим. Раз десять я прощалась с жизнью. Единственным утешением была мысль, что все это происходит в Сицилии. Все-таки романтичнее, чем где-нибудь в Усть-Ишиме. Хотя, может, для сицилийца пребывание в северном районе Омской области тоже показалось бы экзотичным и романтичным.

– Ой, мамочка! – закричала я по-русски, как только мы снова остановились. Полное ощущение, что попала на небеса. Пятачок, на который въехали, имел размер два на три метра, высота сумасшедшая, а под нами все побережье Таормины и бескрайнее море. Такую красоту ни один фотоаппарат, ни один художник не отразит. Я, как попугай, только и повторяла: «Беллиссимо!»

Как вернулись, не помню, чувства зашкаливали. Сальваторе показался самым красивым мужчиной на свете. Но на завтра был отъезд – какое уж тут продолжение. Он взял адрес моей электронной почты, однако, я даже не придавала этому значения. За время путешествий по Италии поняла, что местные мужчины просто обожают всех женщин на свете. Такое национальное качество. В воздухе под итальянским солнцем витает любовь.

Вернулась в Омск и ахнула: по электронной почте Сальваторе прислал мое фото с его собачкой на пляже. Потом пошли письма. С воспоминаниями о встрече и уверениями, что не может забыть. Вскоре последовали трогательные признания: семья фактически распалась – с женой нет взаимопонимания, а развестись не может потому, что это чревато материальными проблемами. И встреча со мной стала просто отдушиной.

Конечно, я воспринимала все с иронией – все-таки не восемнадцать лет. Однако роман в письмах поддерживала. И даже пошла на курсы итальянского. Интересно же!

Как же мне повезло с преподавателем! Ирина, прожившая восемь лет в Италии, кроме обязательных упражнений, давала и оригинальные задания. Мы переводили сонеты Петрарки, учили по ролям итальянскую сказку про Пиноккио, делали перевод стихотворения индейцев Навахо, и прочее, прочее.

Сальваторе не уставал хвалить мои успехи. И, как бы между прочим, стал добавлять в послания эротические нотки. Я сообщила, что делаю ремонт в ванной, в ответ: «Хотел бы потереть тебе спинку». Отправила свое фото в зимнем омском парке, получила: «Было бы приятней снять с тебя шубу и увидеть обнаженной...» Я стала злиться. И, возможно, переписка сошла бы на «нет», но вмешалась... поэзия. Однажды я отправила свой перевод одного сонета Петрарки.

– Ты переводишь Петрарку? – мгновенно последовал удивленный ответ. – Да его и в Италии немногие знают! – и тут же добавил, что знает русскую поэтессу Анну Ахматову:

*E quel cuore più non risponderà
Alla mia voce, esultanto e afflitto.
Tutto è finito, e il mio canto risuona
Nella notte vuota, `ove più tu non sei.*

*...И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено, и песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.*

Я сразу простила ему и «спинку», и «обнаженку». Взлетела на седьмое небо! Ведь встретила такую родственную душу!

А через некоторое время от Сальваторе последовал новый сюрприз. Письма стали приходить одно печальнее другого.

«Я не уверен в себе. Говорил раньше, что потерял лучшую в своей жизни работу – директора в супер-отеле. Но не жалею об этом. Если бы остался, сошел бы с ума...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.